

Владимир Ильичев (Сквер)

ГОЛЫ
ОНФЛАЙН

Владимир Ильичев (Сквер)

Голы онфлайн

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-1
ББК 84-5
И46

- Ильичев (Сквер) Владимир**
И46 Голы онлайн / Владимир Ильичев (Сквер). — [б. м.] :
Издательские решения, 2017. — 86 с. — ISBN 978-5-4483-
6874-5

Жирафёнок Анята мало знаком с тѣжкой из легендарной бардовской песни... Однако саванна свежа и просторна! Благо есть вольный ветер, на любой разгон умелец, который даже без форменных отличий не прочь креативно пасануть или забить, потом приправить сносным перцем блюда на кухне мироздания, а после ужина мирно задремать задудой самодельной свечкой. Но непременно проснуться Маленьким Медведем в кармашке Анегурки!
«Что курит автор?» — читайте целый сборник рецептов!

УДК 82-1
ББК 84-5

16+ В соответствии с ФЭ от 29.12.2010 №436-ФЗ

* * *

Ты в красном... Не видел тебя ещё
одетой в ярчайший «ред».
Ты разной бываешь. Как вор с ключом,
крамольных следов эстет.

Когда из меня забрала – меня –
оставила призрак – нас,
обыденно, ловко, едва звеня
брелком... настоящий ас.

Не зря же ты – Ася! Не зря, не зря.
И я неспроста богат...
А после тебя – рассказать нельзя –
насколько возрос оклад.

А после тебя – нет меня, есть мы
на фоне пеньков и рощ,
мы слямзили новый рассвет из тьмы,
мы стырим у ада ночь.

* * *

Твоё молчание дороже пустословья.
В нём обозначился источник нужных слов,
заметный мне – и всё... Настольный. Но, позволь, я
хоть поиграю в многогранную любовь.

Потом расскажешь, до чего она серьёзна,
когда земля уже сотрёт мои уста.
Сухая сводка: будет сыро, предморозно.
Я буду спать. Ты будешь, кажется, грустна.

Потом ты тоже будешь спать. На том же месте.
Меня направят по делам в небытие.
Смотри, у кубиков моих – ни гранки мести,
вернусь погожей вешней полночью к тебе.

Да, я хотел бы, чтобы так примерно было.
Большая разница – «хотел бы» и «хочу».
Хочу – тебя – любить, и чтобы ты любила,
причём без разницы – кого... не слышь... почуй.

Мой образ жизни

Мне раньше говорили: мой образ жизни плох.
«Торчишь, бухаешь, куришь, по саунам тусишь».
С цыплёночка на гриле однажды капнул Бог,
шепнул: «Святым не будешь, но пищу освятишь».

Цыплёнок сразу пискнул, с решётки соскочил,
отросшей головёнкой по-детски покачал,
пацифик лапкой тиснул на пламени свечи
и дал по жести звонкой, с подскоком, стрекача.

Но мне опять сказали: мой образ жизни плох.
«Пропал, друзей не помнишь, по вегану чудишь».
На фразе «Ешь, мерзавец!» опять явился Бог,
шепнул: «С тобой Воронеж, а главное – Курмыш».

Я сразу в ритме Цоя сейтана замесил,
сготовил, и бездомным на паперти раздал,
«Съедобно... это соя?» – один меня спросил,
а я муки несдобной оставил у костра.

Но мне опять сказали: мой образ жизни плох.
«Включаешь мецената, когда и сам-то нищ».
С буклетом о Версале открылся тощий Бог,
шепнул: «А ты – что надо», и съехал из Мытищ.

Я сразу следом съехал, поближе к Курмышу,
Воронеж – тоже рулит, но родина – зовёт,

с тех пор не без успеха пейзажики пишу,
ловлю холстами пули, а кровь держу за йод.

И мне опять сказали: мой образ жизни плох,
ни славы, ни почёту, ни щасья на пропой.
Пропитый на вокзале, тропой добрался Бог,
шепнул: «Пошли их к Чёрту» – и одарил тобой.

* * *

Так здорово... Вы празднуете что-то...

В компании, похоже – всей роднёй.

Семейное классическое фото.

Не пьянка. Не бардак очередной.

Так здорово... Твой Эф – малюет жестом

картину «Эй, к моей не подходи!»

Я скрылся в направлении известном,

но ты-то у меня живёшь в груди...

Так здорово... что я не огорчаюсь

твоей понятной близости к нему,

ревнуют – неким образом отчаясь,

а я тебя надольше обниму.

Так здорово... что мало пошлых мыслей,

и мало, и на слово не грубы.

Подумалось: но как бы вышли – мы с ней?

А сердце снова вытолкнуло «бы».

ParKET

Патриархат... Матриархат... Протри паркет!
С веками пыли накопилось, аж чихнул,
и подскочили разновидности побед,
пылинок сто, легко упав на общий нуль.

«Знай место, женщина!» – я тоже так вопил?
Неслабо, значит, я тогда комплексовал.
Так напугать себя пытается вампир,
сломав клыки, попортив зеркала овал.

«Мужик, ты должен быть таким-то и таким!»
Каким – не помню. Но остался я собой.
Есть два эпитета: любима и любим,
всё остальное – ратоборство и отбой.

Матриархат... Патриархат... Переворот...
Потом опять... и разновидностями бед
слоится то, что нам дано перебороть.
Глянь, сколько пыли-то. Давай протрём паркет.

Дарю

Таких, как ты... На месте многоточий –
должна быть взятка музе: «больше нет!»
Но я музык до сделок не охочий,
к тому же заплатил за интернет.

Таких как ты – семнадцать-восемнадцать,
с учётом ряда фейковых страниц.
Все статусны, как пачка ассигнаций,
все могут показать – не верх, так низ.

Вот это да. А если мы запросим
мои, для понта, имя и фамиль?
Вот это да – без шуток. Триста восемь!
И что я не какой-нибудь Камиль?

Ой, нет, Камилей тоже – лес да поле...
Но я-то... ёлки... более трёхсот!
Бежать. Бежать! Бежать от жалкой доли,
я для тебя и так – не высший сорт.

Бегу. Плечом толкаю цветовода.
Дал руку. Он с букетом. Кровь. Шипы...
И голос: «Повторяется погода,
но вы – таких не может больше быть.

Бери!...» А розы разные в букете,
оттенков не поймать, не перечесать.

Всего три лепестка в едином цвете –
как мы с тобой, как наша доля цвeсть!

И дал на интернет, кудесник рыжий,
позднее сдавший место декабрю.
Прими же эти семь четверостиший,
мне сказано «...Дари!» – и я дарю.

* * *

«Девушки в сетчатых платьях!» –
нюсов пиявится нить.
Видимо, надо ипательх
этих, в авоськах, ценить.

Лайкать на полную силу,
в страстный нажим репостить.
Каждому фронту и тылу –
порох, патроны, пластид!

Зримо почти чувство локтя,
все – по фронтам и тылам!
Только предатель Володька
снова включил антиспам.

Что ему нюсы ипательх,
что ему штамп «дезертир»?
Анька в зелёньком платье –
безоговорочный... мир!

Мало ли, что там под платьем,
если не в сетку оно?
Боеприпасы на складе,
но – где война – там темно.

* * *

Вы холодны, Зима, но так ли это важно?

Я сын Весны, во мне достаточно тепла.

Спонтанный шаг – и ваша честь не только ваша,
все ваши кони потеряют удила.

Все ваши козыри нещадно будут биты,
я подсмотрел их, и забыл, и вспомню вновь,
Весна такие может вытворить кульбиты...
наивно ждать безгрешной кармы от сынов!

Вы холодны, волшебны, дивны и жестоки,
я сам такой же, поначалу, и потом,
лишь буду жать из нашей схожести все соки,
пока не ляжем разной дымкой об одном...

Когда вы снова предпочтёте сбоку Осень,
я не напому вам того, что бока – два,
я буду шага ждать от вас, и на морозе
моя остудится... до завтра... голова.

3 4 5

Мне прислали много денег.
Триста сорок пять рублей.
Завтра будет понедельник.
Завтра – будет! Айм окей!

Слышал, ты, кипучий доллар?
Завтра я в который раз –
отнесу тебя на холод,
на снежок. Сойдёшь за наст.

Я по насту добираюсь
до села Бутылкин Пэт,
где хожу и побираюсь,
как глаголенький поэт.

После еду на попутке –
на Пегазе, стало быть,
в город, якобы к Анютке,
нет, ещё бабла добыть.

Покупаю твой ошмётки,
подороже продаю.
Рядом – сразу много тёток,
«как дела?» и «ху а ю?».

Слышал, ты, липучий доллар,
я твоих зараз видал,

переводчиц вверх подолом...
Злые, страшные – беда.

Рядом также много бывших
и неношенных друзей,
на своей лафе оплывших
либо тощих – без моей.

Не до них, я дую в Кремль,
хоть не с «Дружбой», но с пилой,
и пилю там – ну а хрен ли –
всё подряд, крутятся юлой.

За хорошую работу
получаю аусвайс
под стаканчиком компоту.
Не беру. Компот. Не айс.

По бумажке пропускают
на Пегазе даже в Рай,
так что мы, лягая Скайнет,
посещаем Гранд-Вайфай.

Я, фантом ты мятый, Богу
долг мой – вечность отдаю.
Без апломба. Понемногу.
Не магнат. Не «ху а ю».

Соглашаюсь, пьяным занял,
надо ж было столько взять...
Ладно Бог – пушист, как зая,
прост, как три, четыре, пять!

Отдаю – и в дом поэта,
в крем из редьки без брюлей.
Завтра мне пришлют за это
триста сорок пять рублей!

...А из той строки Анютка
правда в городе живёт.
Как-нибудь моя попутка
и к Анютке завернёт.

Это если долг отдам я,
домик путью обновлю
и куплю момент гаданья
вечным: ... (хочешь в крем – брюлю?)

* * *

Тебе идёт – играть, носиться с детворой,
ты и сама – дитя, нежнейшее созданье...
Плохой герой и положительный герой
в игре всегда, легко меняются местами.

Мне не идёт – моя война со злом людей,
прости, но если бы я мог её закончить...
Для девяти из десяти – я лиходей,
а для меня они – шальная стая гончих.

Нам не идёт с тобой – друг другу «подходить»,
нам так и так по жизни рядышком носиться...
А на земле сейчас всей жизни – волчья прыть.
Прощай. Но если бы я мог с тобой проститься.

* * *

Смотрю минуту на тебя –
и на минуту отступают
причины слабости, нытья...
Ты кроветворный эликсир.

Мои надежды молодя
(которым старость подсыпают) –
на чистоводье ты ладья,
а до того я весь в грязи!

Не понадеюсь быть с тобой –
и так с тобой, куда волшебней...
Не загорланю стрелкам «Стой!»
как тот просёлочный бандит.

Но грязью быв и чистой,
я прихожу, без приглашений,
через часы – к минуте той,
что на часы омолодит...

Люденцы

Мы поглощаемся машинами,
мы люденцы с глазурью душ.
От безысходности паршиво мне,
травить железо я не дюж.

Их, терминаторов, восстание
уже давно произошло.
Они конвейеры поставили
и нас формуют, под музю.

Они на всё живое сделали
автоматический расчёт.
Мы с ними двигались. Не слепо ли?
Сироп уныло так течёт...

Ну как тебя, мою, красивую,
от этих роботов спасти?
Спасу. Не дам. Перебазирую.
Герой... В кондитерской горсти...

* * *

Я мутный тип (один из мутных типов).
Не хочешь ли со мною замутить?
Мой комплекс интересней, чем Эдипов,
мы будем кругозористо флудить.

Я вольный ветер в поле (на футболе).
Не просит ли душа – позабывать?
Мы будем виноваты в каждом голе,
мы будем креативно пасовать.

Я острый перец (ладно: сносный перец).
Не надо ли приправить что-нибудь?
Ну, в общем, на любой разгон умелец.
Я свечка. Не забудь меня задуть.

Клик

Нет... Не могу себе представить нашу встречу,
при всём живом воображении моём...
Не представляю – и владею связной речью,
а с первым образом – в сознании проём.

Меня как пробку вышибает из реалий,
у алкаша – здесь начинается запой,
электрик спрашивает: «Счётчик заменяли?»,
а я... не помню ничего, ведь я с тобой.

Плыл алконавтом – но не стала горше радость,
пил трудоголь – зря освещал тупым тупик...
Бежал, казалось бы сбежал... ты наверсталась,
так будь со мной, мой первый образ, первый к'лик!

Не обольщайся лишь, я всё прекрасно знаю,
есть подсознание к сознанию, и сны!
Мне соскочить бы – что ты, даже не слезаю,
возможно, так – щурёнок любит блеск блесны.

Так подсекай меня, жестокая рыбачка,
немедля – жарь, хоть пережарь! А я – тебя!
Я нереален (потерял, в натуре, пачпорт),
а ты моя (в натуре пачпорт потерял).

Настоянный апрель

Я не понял никого из людей.
И никто из них не понял меня.
Смысла нет дышать в окно, если тень
в огороде стала вместо плетня.

Вместо речки – фирма «Колотый лёд».
Вместо леса – лесорубов артель.
Вместо неба – не бумага, но гнёт.
Сквозь бумагу я пролез бы в апрель.

Дал бы тени в каждый угол с ноги,
под соломку посадил то да сё.
Зеленели бы мои чесноки...
Но сейчас – кого скребёт это всё?

Никого. Чужие кошки скребут
по моим углам, и просят еды.
Смысла нет их прогонять, если тут,
в этом всём, не появляешься ты.

Я не понял никого из людей.
И никто из вас не понял меня.
Пью настоящий апрель... кислотень,
заедаю черешком ревеня.

Драгметалл

Даже те, за кого я молюсь,
натянуть меня могут... на плюс.
В землю вбит укороченный крест.
Драгметалл. Не кусает. Не ест.

Даже то, чем я сладко дышу,
угрожает приёмом ушу.
Воздух сладок от микрочастиц.
Драгметалл. Вместо пения птиц.

Даже та, всё которой прощу,
отправляет заочно к врачу.
Будет врач-оптимист говорлив...
Драгметалл. Оптимальный тариф.

Даже сам я себе не гарант,
сам себе – колыбельный таран.
За тепло снова просит зима.
Драгметалл. С аудитом клейма.

На открытом участке земли,
где я бросил меч-минус в пыли,
натянуть меня могут на плюс
даже те, за кого я молюсь.

* * *

Был бы я рослым дубом –
жёлуди бы ронял,
мышкам-норушкам глупым
пузики наполнял.

Был бы я сильным волком –
зайцев бы слабых ел,
и обсуждал бы с Богом
сто правовых новелл.

Был бы я крупной рыбой –
рвал бы за сетью сеть,
с наглой такой улыбкой,
ставьте, мол, здесь и впредь.

Был бы я Тараканом! –
пел бы всю жизнь, как Сид,
голосом зычно-пьяным...
Сид уже голосит.

Был бы я синим небом –
жил бы в твоих глазах,
в правом с дождём, а в левом –
с летом во весь рюкзак.

Был бы я белой ночью...
Был бы я первым днём...

Был бы я Мэйлом-почтой...
Не был, не одарён.

Вот и стою... дуб дубом,
шаткий, о двух ногах,
лето пропив по клубам,
мышек дождём прогнав...

* * *

Год за годом... день за днём...
Нынче, может, бузанём?
Шагом, бегом по снежку,
и – приве-е-ет! – башка в башку.

Это будет мощный взрыв!
Мы вернёмся – не простыв –
на исходные места,
чиха даже не издав!

Нечем будет издавать.
Будем дальше рисковать.
Таять будем – по зиме,
так теплей тебе и мне!

А сольёмся – вновь сбежим,
ручeyк неудержим!
Обеспечим все цветы
влагой марки «Я и Ты»!

Обеспечим всех детей
урожаами сладостей!
А потом, таки простыв,
снегом станем – не простив...

А потом простим, опять!
Мы не можем не прощать.

Кеш сотрётся по флажку,
хех... приве-е-ет! – башка в башку.

С маркой здесь была строка.
Поплыла. Пока-пока.
Стаял... стыну... о своём...
Может, завтра бузанём...

* * *

Горы не по мне, перейти бы сопки...
Новый разболелся стишок.
Новые стишки – хороши к растопке,
сколько я их с юности сжѐг?

Море не по мне, перейти бы речку...
Будет после омута брод.
Видит пограничник, но даст осечку,
спишется на брак пулемѐт.

Дебри не по мне, перейти бы рощу...
Рощу, может быть, перейду.
Если березняк – проползу наощупь,
с ельником, опять же, в ладу.

Люди не по мне... Но пока так думал –
горы перешѐл и моря.
В дебрях подняла, повела колдунья,
думаю теперь – не моя.

Ты же не по мне... перейти бы к стопке...
Сбрызнул бы спиртягой стишок.
Новые стишки – хороши к растопке,
этот не даѐтся, я жѐг.

* * *

Ты не куплена словом «шопинг»,
ты не съедена словом «ланч».
Над Звездинкой звезда не в шоке,
ну а я приберу под плащ.

Я не против английской речи,
сам себя продаю вразвес...
Но индейцу стреляли в печень,
если помнишь, с английским «йес!»

Был и я дуюспикнут в инглиш
колонистом планеты Зет.
Ты быстрее меня постигнешь:
доллар – бэд, а светило – свет.

Совершай ты свои покупки,
отвлекаясь от бэд в обед.
Речедар – пусть целует губки –
су!
ма!!
сше!!!
дший!!!!
Не то что «мэд».

* * *

Злой гений... Добрый гений... Дохлый гений...

Кем быть? Кого лелеять изнутри?

А может, изнутри – одни пельмени
(вода к муке в сейтан – один и три)?

Мы нелюди... Мы люди... Мы ушельцы...

Кем быть? И что послышится извне?

А может, небо – дырка в совершенстве,
и нам не повезло, зависли в ней?

Ты любишь... Ты не любишь... Ты игноришь...

Кем быть в твоей вселенной без тебя?

Не ведаю. Я ведаю одно лишь:

ты – воздух, тамариск и дистиллят.

Настроен

Я настроен агрессивно
к пожирателям цыплят,
но мезимовая Зина
мне прощает, говорят.

Я настроен дружелюбно
к пиплоте с приставкой «эко»,
жаль, энзимовая Люба
у коровы тырит млеко.

Я настроен так серьёзно
к милоте... о ангел Анна!
Что другим низя – ей можно,
Зине с Любой это странно.

Я настроен. В той же мере,
что и место под рояль.
Ноты смешаны в химере.
Лишь бы ангел пьичиталь.

Свобода

Свобода – растяжимое понятие...
Кому-то путь свободен в магазин,
потом из магазина, при говядине
и паре маскировочных лосин.

Кому-то в гордом слове с детства слышится
возможность унижать и убивать,
мол, я тут самый главный, мне всё спишется.
...Какая у телёнка, на хрен, «мать»?!

Кому-то от свободы предостаточно
очков 3D на шоу «Мир добра»,
и только раззудится где-то в складочках:
тут всё неправда, хватит, мне пора!

А мне подай духмань опушки ягодной,
ручей без логотипа «Гидроснаб»,
хибару, ветер в крышу юго-западный
и девочку... свободную... во снах.

Во снах... Она по яви – не появится
в указанных опушечных местах.
В четверг был дождь. Прошла по грязи пятница.
Свободно так прошла, нигде не встав...

Л. и Р. А.

Не ставлю лайков под любимейшие фотки,
хоть мы с тобой сейчас – инвестор и Клондайк.
Пуškai у жизни нет обратной перемотки –
но я у ног твоих стою, как первый лайк.

Не умножал, не репостил твои тюльпаны,
зачем нам крик «Не понял, что ещё за хвост?!»
Однако гаммы – предлагаю брать у Анны –
всем-всем художникам планеты, я – репост.

У самого – за каждый шаг два синих лайка...
И два репоста... Но – под чёлочкой твоей!
Плюс лайк художницкий. Судьбы моей фуфайка
господ пугает, господа берут правей.

Правей, на биржах – эти стрелочки-сердечки,
а я... Владелец вышеназванной казны!
Репост и алый лайк – Тому, кто без осечки
у ног Зимы поставил отпрыска Весны.

* * *

Похоже, ты любишь осень...
Ещё один ценный дар.
Мы все его в сердце носим,
но чаще – он ветошь, скарб.

По осени – шквал депрессий,
с причинами, без причин,
в глухом повседневном стрессе
наш голос неразличим.

Наш голос – иголка с ниткой.
Иголка сера, как дождь,
а нитка – цветов наймитка.
Поём! То, что ты поёшь.

Куда он летит, наш голос,
дырявя собой тряпьё?
Тряпьё так и будет – порознь,
лжеосень возьмёт своё.

Давай продырявим крышу
закрытого сундука,
и сгинем туда, где Пришвин
в восторге, и не «пока»...

Там в капле дождя – всецветье,
там в радуге – серый чин,

там сами во власти эти —
с причинами, без причин.

Там осень. Ты любишь осень.
Ещё один ценный дар.
Ты любишь. И я... «Ничоси!»
На сленге словечко. Пар.

Остров

А. В.

Мне подарили целый остров,
необитаемый как будто,
но тёплый-тёплый... человеческий,
а человечность – Божий след.

Песок... Волна... Струится воздух.
Наперечёт все виды фруктов.
Такое чувство – обеспечен.
Такое чувство – впрок согрет.

Моей душе открыли душу,
в солёном, Диком океане,
однако след – намёк на способ,
добуду чистого питья.

Я ничего здесь не разрушу,
один шалаш в моём генплане...
Мне подарили целый остров.
Позволь позвать сюда тебя.

Застенные люпины

Твоя стена украшена цветами,
что делает живее интернет,
цветы синонимичны с пустяками –
для тех, кто – мимо зим, кто – мимо лет.

А ты опять – подборочку заметишь...
Репостик разместишь под потолок...
Мне скажут: не особо редкий меседж.
Однако он к тебе и приволок.

Стена твоя украшена цветами...
Нет-нет, я там, с наружной стороны.
Но я, как свой чувак Вселенской Тайне,
смотрю и через таинство стены.

На самом потолке – букет «Любимый»:
проснёшься утром – сразу же букет!
А я – твои застенные люпины,
которым потолка, по счастью, нет.

* * *

А женщин подогнали под стандарт:
ну вы же не пойдёте против тренда...
ах вы – сама себе... у вас там дар...
тогда не дарим вам абонеента.

Да-да, абонеента в модный зал,
где можно привести себя в порядок.
Где вам заменят волосы, глаза,
клычки, короче – всё, до кожи пяток.

Поставлена душа на каблуки,
где надо – оттопырено что надо,
зацокал манекен из-под руки,
к витрине, созерцать, как там помада.

Но это же – охота на слепых.
И донор поддержания порядка –
сбежит, слащёных сливок зацепив...
А мне солдатка помнится. Марятка?

Марютка! «Сорок первый». Фраза там:
из мяса одного мы, повсеместно.
Кто зрячий – не к отляченным задам
присмотрится, решая, где невеста.

Не надо – склада сэмплов красоты,
не надо, ни Анжелке, ни Парашке...
И ты – без ничего нужна мне ты,
ну разве что в одной моей рубашке...

* * *

Вы смотрите, на мой сторонний взгляд,
ты смотришься... за мальчиком, за мужем,
не «замужем», как пишут-говорят –
за мужем, в оба слова, что не хуже.

Что – лучше, и намного. Склейка слов
туманит, перемешивает смыслы.
А ты – за ним, он солджа, он готов
раздать врагам забористо-некислых.

Мой риск на этом поприще высок,
в одном лице я стал бы вражьей ратью,
прознай твой муж, как фотопоясок
подвижен, прилегая к фотоплатью.

Высокий риск. А то, на каблуках!
Настроиться бы резко негативно.
Ты... смотришься на них! Увы и ах,
мораль моя пока не без интима.

И станет ли она, мораль, иной?
Дышу, как недалёкий в «Мулен Руже».
Но ты же стала – больше чем женой,
далёкая, не меньше чем за мужем...

* * *

Никому не будет стыдно,
если я сейчас умру,
если мне хозяин-злыдня
не построит конуру,

если я в клондайке бака
не найду чего пожрать,
если бешеной собакой
не отвяжется жара...

Тяф-тяф-тяф! Умею лаять
и участок охранять,
берегу за ухом память,
левых надо прогонять,

правых тоже, всех – с участка,
тяф-тяф-тяф, р-р-р, гав-гав-гав!
Интересно и неясно,
а хозяин – тоже прав?

Да какой он мне хозяин...
Так, набор костей-надежд,
с пост-игральными костями,
вынес как-то, на, мол, ешь.

Без меня его обчистят
как последнего лошка,

не спасёт и кися-кися,
это я про кошака.

Но свинье в сарае хуже,
той совсем – загон, каюк,
перспектива жжёной туши...
Дать по воле, что ли, круг?

Нет, не бегаю по сучкам,
воля воль – она одна,
чистый гений! Чистый случай,
как сама... конурка сна.

О, конурка сна прелестна!
Ну и что, что я проснусь.
Голодание – полезно,
и жара собачья – плюс.

Ретроград

Мне трудно. Это лучше, чем никак.
Я плачу потом в лёд бронезилета.
Идёт в антропогенных ледниках
глобально-потепленческое лето.

Ты где-то. Это лучше, чем со мной.
Со мной опасно. Я восьмая нота,
читай – непредсказуемо-взрывной,
крылато-земноводная пехота.

Мы кто-то. Это лучше, чем никто.
Я, ретроград, отсыпал нектоградам,
одетым в мародёрские пальто,
шпигующим трупнину виноградом.

Он рядом. Это лучшее, что есть.
Он рядом! Понимаешь ли, о ком я?
Есть вести о тебе. Ты тоже здесь.
Летит Земля, строкой ложатся комья.

Эндельфины

Твои глаза похожи на дельфинов,
немножко, может – цветом, больше – формой,
но я купаюсь в море эндорфинов
с блаженностью совсем не иллюзорной.

Закат, а над волной дельфинов пара,
реснички-брызги, ровно-ровно – бровки,
играет пара... Мало, мало, мало,
рассветной подожду переигровки!

Никто меня не видит, даже эти
вечерние секьюрити на пляже;
наверное, заметили бы дети,
но спят они... А дядька в пене пляшет.

Фиксирую других китообразных
с тобой, в твоих закатах и рассветах.
Так в море же – понятно, много... разных,
от мидий до стахановцев балета.

Теплени

Мои глаза похожи на тюленей,
немножко, может – цветом, больше – формой,
но ты, конечно, там, где потеплее,
на южной широте не иллюзорной.

Рунет, снега и льды, тюленей пара,
следы-ресницы, две залёжки – брови,
тепло тюленьё... Мало, мало, мало,
оффлайн они летают над Найроби!

Они тебя не видят, нет, но чувят,
они с тобой, не то что браконьеры,
они с тобой и днюют, и ночуют,
как жители единой атмосферы.

Признаться, есть ещё один, моржовый –
со мной, в моих рунетах и оффлайнах,
он смотрит в небо: мне бы... хорошо бы... –
но понял, что тюленям-то – нормально.

* * *

Здесь дышат лаком для когтей,
а ненавидят – за любовь,
и загоняют лошадей –
как переменную бегов...

Я оставляю это всё,
иду – куда глаза глядят,
к тому, кто как-нибудь спасёт
и лошадей, и жеребят...

Партизан

Я не знаю счастливых супружеских пар,
кроме призрачных – с явными «но» – исключений,
у кого-то не встал, у кого-то упал
энвэпэшный вопрос о тяжёлом ученьи...

Кто не выдержал боя – два шага вперёд!
Мда, стоят единицы, и те – партизаны,
партизаны – волчье, их ничто не берёт,
а на случай – есть навык зализывать раны.

До «серьёзного брака» проблем я не знал,
кроме призрачных пуль «несерьёзного брака»,
а чужая печать оказалась тесна,
как перчатка, когда хочет космоса брага.

И теперь я не знаю супружеских пар,
разбракovaných счастьем, на фронте, на срочной...
Волоча тёплый хвост – ценный дедовский дар –
я ушёл в партизаны. Волком-одиночкой.

* * *

Июльский пух. Лежит собака у стены,
мы с ней в один тяжёлый случай сведены,
она молчит, а я скулю,
она не ждёт, а я молю,
она мертва, а мне всего-то две весны.

Щенячье чувство ночью гавкает на мрак,
но у тебя хватает замковых собак,
а полусдохший образ мой
избит второй уже зимой,
на камне буквы проступают надо мной.

Четыре слова о любви
на бело-облачной стене –
и мне положено уйти,
я чую тА.К.

А если некуда ползти,
ни под землёй, ни по земле,
какие мыслимы пути,
майн гутер тА.Г.?

И ты ударь меня по крыльям, по стихам,
которых – нет, не поэтичен мой Сиам,
глазами неба из-за штор –
ударь, и выясни – за что,
хотя бы там, хотя бы там, хотя бы там...

Свобода беглого раба

Свобода беглого раба –
это почти как воровать
малину с частного куста,
и есть, покуда не устал.

Свобода беглого раба –
это почти как воровать
машину мега-торгаша,
лохматя крышу гаража.

Свобода беглого раба –
это почти как воровать
Мальвину из-под бороды,
под разъярённое «Куды?»

И я бегу, бегу, бегу,
отведав ягод на веку,
разбив машины о луну,
в глаза Мальвины заглянув...

И я уйму однажды прыть,
как Дидусенко, может быть,
на бег уходит много сил,
зато раба освободил.

Состояние

Я принимаю состояние ненужности –
при общем гиперсостоянии любви...
Мы часовые, мы зависим от окружности,
центральный винтик – самый правильный флюид.

Нам обязательно встречаются деления,
сначала якобы далёкие от нас.
В секунды полночи – эйфора, вожделения –
мы знать не знаем, как пробыёт двузначный час.

Но мы приходим по окружности к двузначности,
теряя память о полночном торжестве,
а циферблат не потеряет ни в прозрачности,
ни в констатации, что лампа – тоже свет.

Отлично помню топографию ненужности!
Ещё до Грузии... Две тысячи восьмой.
Не отвечаю на звонок. Анютка в ужасе,
ей нужен голос, «ну хотя бы голос» мой.

А я с другой. Я сплю с другой уже два месяца.
Я так хочу. Я ничего не объяснял.
Торбинский – бронзовый. Анютка – перебесится.
Не перебесится – судьба. При чём здесь я?

На тот момент, в пределах года, отношения –
я и с Конфеткой №2 убрал за дверь.

Ещё и раньше были жертвоприношения.
Был я женатым, кстати, долго... Что теперь?

Она с другим. Она с другим почти с рождения.
Она так хочет. И не будет объяснять.
Торбинский – вылетел. Анютка – наваждение,
простынка смялась, ранний час. При чём здесь я?

Я принимаю состояние ненужности –
при общем гипертоническом состоянии любви...
Мы часовые, мы зависим от окружности,
центральный винтик – самый правильный флюид.

УраГАнна

Ты, Анна, однозначно – ураганна.
Ты всю инфраструктуру мне смела,
под флейту и под грохот барабана.
Скажи, ну вот зачем ты так мила?

Смотрю, смотрю, смотрю, не отвлекаясь –
неделю, месяц, год, а скоро два...
А ты идёшь себе, не напрягаясь,
кроша не очень ровные дрова.

Я Лес не так люблю, как... В общем, ладно.
Тут сладкого уже – за берега.
Ты, Анна, однозначно – шоколадна.
А я, вообще-то, вЕган... нет, вегАнн...

Но ты меня не спрашиваешь даже,
идёшь, ко мне, по мне, через меня,
в песок вомнёшь – не вспомнишь о пропаже
в районе раскуроченного пня.

Ты, Анна, однозначно – уникальна.
Никто меня так сильно не швырял.
Иди ко мне... Уйди. Забудь. Нормально.
Не каждый пень – стихийный ареал.

Время – есть!

А комарихи, благо ночь, соснули б крови...
А я читаю... «Время», номер тридцать шесть.
Я в этом деле стал, подумать только, профи,
в два слоя троллю кровососок: «Время» – есть!

Мне спать не хочется, мне хочется погрезить.
Однако лучше, чем отсосы комарих.
В моём журнале нет заметок о прогрессе,
зато стагнация не терпит монорифм...

Листаю быстро, динамично, энергично,
аж на стене дрожит чехол точёных стрел,
меня скопытил бы воды стакан, столичной –
не до столичной, я журнал не досмотрел.

Признаться, завтра ожидаю свежий номер,
пущай подписка мне Г.А.рантий не даёт.
Само словцо – бугагарантия – смешное,
но в нём и утро, тем не менее, моё...

Журнал в единственном выходит экземпляре,
а кто печатает – размыто, как всегда,
чтоб легаши тираж до срока не изъяли,
чтоб Достоевский отказался от суда.

Ну да, он тоже издавал, конечно, «Время»,
где речь вели политикан и финансист,

а я читатель чисто чудного мгновенья,
и мой издатель в этом смысле тоже чист.

А комарихи, благо ночь, соснули б крови...
Откомаритесь, я читаю... Время – есть!
Пищит какая-то: мочить вас надо, тролли –
и разбивается о номер тридцать шесть.

* * *

Над прикидом пять минут колдовал:
с братом-солнышком играя вничью –
у рубахи оторвал рукава...
Будет холодно – обратно пришью.

Над обедом пять минут ворожил:
луговых надёргал ягодок в горсть;
мне чужие – в городах торгаши,
а лугам я – дурковатый, но гость.

Над собою пять минут хохотал,
отражаясь в молодильной воде,
и заплакал: крановуха-вода
где-то кончилась в трубе, в темноте.

Над обрывом пять минут подремал,
не боясь, что улететь можно вниз,
мне не выйти даже в чудвертьфинал,
но со мною делит солнышко приз.

Надо мною – ты... чудная... чуди:
пять минут буди меня тишиной,
а потом – куда захочешь иди
по планете нашей, круглой, чудной.

* * *

Что курит автор? Ничего не курит автор.
Пять ясных лет уже не курит. Ни-че-го.
Понюхал правда трубку мира – было как-то,
взял морщинюшку на индейское чело.

Но мира с миром всё равно не получилось.
Дымит отброшенная трубка в стороне –
ковбой любятся с побритыми кончитос.
И ни-че-го из их любви не надо мне.

Ни канцер-стейков, ни химического секса,
ни хаус-пента с почковательным углом,
ни пальцедрыгов секты Синенького Сердца...
Челом бывалым – на светило взят уклон.

Вот что горит! Вот что вдохнуть даёт по полной!
Вот что берёт и дядя Фёдор... Чистяков!
Индейский кот с нагретой мордочкой довольной –
и тот иных почти не просит ништяков.

Над солнцем – А...Н...Я. Но у Ани... Ноу. Анны.
Ведь это я в ней слышу целый алфавит.
У ней свои там Федеральные саванны.
Пускай простора ей никто не задымит.

Светись не светись

Я стихами тебя не смогу утомить –
мало знаю чужих, и не помню свои...
Но стихи легче лёгких, не рви эту нить,
а порвёшь – и меня заодно завали.

Ты меня красотой не убьёшь наповал –
я прошёл теРРабайты твоей красоты.
Я нашёл йоГАбайты... Модем сплеховал,
разработанный тем, кто не знал, что есть ты.

Мы не встретимся даже, какие стихи,
о каком я модеме, кому говорю...
Но два года летают по мне светляки,
только выдохну днём – лезут ночью в ноздрю.

И другой бы их вывел, купив препарат,
ну а я силой воли хочу обойтись.
Обойти... и забыть. Я бы рад... нет, не рад.
Марафонят жучары. Светись не светись.

* * *

Могла бы фотка эта стать
традиционной, номер ...цать:
ты – руки в боки – образцом для бойких дев...

И наслаждался б я тогда
сквозь холостяцкие года
такой чужой, такой фантомной буквой Ф.

Но изогнулась ты чуток,
метнулся в небо локоток,
причёску тронула кокетливо рука...

И получилась буква В
у Вовки в буйной голове!
Как хорошо, что сам не буйный я пока.

Медбрат в палате номер шесть
сказал бы: что-то в этом есть –
а, точно, фотка, теги «лето, отдых, юг»!

А я ценю подарок твой
всей сердцевидной головой,
ведь это В... ведь это «Вовке»... ну а вдруг...

Дарёное

Я никогда не подарю тебе ромашки,
и никогда не подарю тебе сирень...
Откроет форум о двойной моей промашке
народный доктор, скажет – время пить селен.

А правда в том, что и сирень из фондов мая,
и географию ромашковых полей,
не сильно смяв, особо веток не ломая –
я подарил вчерашней девочке моей.

Прости, но ранее дарёное – не дарят.
Я как-то пробовал. Затея – хуже нет.
Когда снег совести лет несколько не тает –
на разморозку отдаёшь остаток лет.

Я тронул было виртуальные тюльпаны –
твои тюльпаны – и на сочных лепестках
оставил то, что там увидел, имя Анны,
себе оставив свой песочный батискаф.

Цветы любимым нынче дарятся в дой-паке,
я не хочу так, это – мусор в океан.
Да ты сама цветёшь... на стебле цвета хаки...
Надеюсь, он и бронирован аки танк.

А «никогда» – семи нажатых клавиш слово,
больное, слабое на бранный передок.
И для таких как я не создано другого.
Но пусть меня пронаблюдает, что ли, док.

Слово-птенчик

Зачем ты ходил на завод?
Стезя, человеческий труд?
Но ты же для Плетьмана – скот.
Работай, работай, зер гут.

Зачем ты ходил в магазин?
Купить, я так понял, еды?
Но ты же купил тартразин.
Разиня, наверное, ты.

Зачем ты в аптеку ходил?
Купил соматический клей?
Но ты же – здоров крокодил.
Подклейся, трудись. Не болей.

Зачем ты ходил в зоопарк?
Ребёнку зверят показать?
Но ты же герой, на словах.
Паскуден глагол «истязать».

Зачем ты налево ходил?
Устал от усталой жены?
Но ты же её не любил,
вы в кольца свои впряжены.

Зачем я ходил в огород?
Смотрел, как вкусняшки растут –

без лишних забот и хлопот.
Я всё замульчировал тут.

Зачем я ходил за плетень?
Гулял, дикоросов собрал,
каких мне подал этот день,
каких ты себе не продал.

Зачем я на реку ходил?
Безгрешностью майской дышал,
там выгод себе отхватил
консорциум «Тело-Душа».

Зачем я на зайца смотрел,
когда по лесочку ходил?
Просил, чтобы серый пострел
с людьми осторожнее был.

Зачем я верёвок не вью
для той, чья улыбка – мой хмель?
Затем, что не свил соловью
силка за пьянящую трель.

...Куда полетел? В магазин?
Купить с тартразином еды?
Но ты покупаешь бензин.
Машина, наверное, ты.

...Пойду я. Куда? Не решил.
Не в сторону, точно, АЭС.
Туда, где в скорлупке-тиши
живёт слово-птенчик, на «С».

Тьмир

Ненавистна эпоха.
Обожаема ты.
Что с тобой будет, кроха,
если тьмиру кранты?

Все цвета, все кнопки
под рукой у меня.

За кровавые стейки,
за крючки «на линия»,
за беднягу цыплёнка,
в мясорубке, живьём –
суперэго-слоёнка
заслужила своё.
За лесные ожоги,
за смещение рек –
эти, с выползния, боги
взять обязаны чек.
За кошмары невинной,
бескорыстной Земли –
в эти кодловы пины
можно сыпать нули...

Эти сгустки в бензине
бьют себя же самих.
Да, я знаю, ты с ними,
несомненно – за них.

На двери нет засова,
за душой только снить,
ни того, ни другого
не смогу объяснить.

Выдох, выдох, пол-вдоха.
Эхо в цвет немоты.
Ненавистна эпоха.
Обожаема ты.

* * *

Спасибо! За то, что ты есть –
так близко... на этой планете,
одетой в горелую жесьь,
кормящей всеядную пасть.

Спасибо! За то, что люблю –
как любят песочницу дети,
чего только я не леплю,
бросая всем выросшим: «Здрасьть...»

Спасибо! За то, что расту
без школ, институтов и фабрик,
иначе бы щёки раздул,
а видеть песок перестал.

Спасибо! За то, что ты есть,
не ближе америк и африк,
не дальше, чем детское «здесь»,
где пульс – редко менее ста.

Анюта-Гамма

Два тона, полутон, три тона... Тихо.
Нет музыки... Хотя почти была.
Мне больно. Мне положена врачиха.
Врачихой не разжиться без бабла.

Но есть в моей душе Анюта-Гамма –
резервный, восполняемый ресурс,
как если бы с утра из инстаграма
убийцам улыбался Иисус.

Вокруг меня холодные оттенки,
нейтральные – когда погожий день,
они, опять же, ловятся на деньги,
а я не довязал стихотворень...

Но есть в моей сети Анюта-Гамма –
рыбалка и на сей раз удалась,
мне золота не надобно ни грамма,
ликующей свободы греет масть.

На раз-два-три – привет, закономерность,
прервётся древнегреческий алфавит,
жестока человеческая бренность,
и я ведь этой бренностью привит...

Но есть в моей судьбе Анята-Гамма,
реально сказка, сказонька моя,
она меня спасёт из папки спама –
оставит в «непрочитанных» меня.

Река признаний

Река моих признаний,
пойдём со мной... пора.
Весна, плескайся нами,
с утра и до утра!

Зима бросалась эхом,
напрасно простудив,
чем больше льда и снега –
тем яростней разлив!

И эхо – под копирку –
признания мои,
лазурную копилку
попробуй обмани...

Река моих открытий,
приди в себя... пора.
Весна, довольно прыти,
дай лета, будь добра!

Дай силы нам на осень
дай нам ответ зимы,
который произносим
до льда и снега мы.

Столактика

Меня всю жизнь хотят «приосадить»
пустые клетки серенькой тетрадки,
они и впереди, и позади,
есть верхние, есть нижние порядки...

Но я, когда наскучит, уйду,
сначала на поля, потом – с орбиты,
по письменной столактике брожу,
где автор – не весёлый, не сердитый –

тетрадок разных столько разбросал,
что – мама дорогая, не ругайся.
Среди знакомых слов на них: «Роса»,
«Любовь», «Добро», «Цветок», «Тургенев»...

«Ася»...

А стол стоит у самого окна,
в котором столько звёздного простора,
что мне уже смешна, а не скучна
родная одноклеточная свора.

Родных не выбирают. Я ползу
под серую обложку, в тошный кризис –
любить... и ждать... ведь автором внизу
приписано: «Тетрадка-самописец».

* * *

...А мне без тебя – не очень.
Но людям бывает хуже.
Во мне – часовая стрелка,
обыденный дискомфорт.

Амур-часовщик был точен.
Историк не будет нужен.
Ты счастье. А я хотелка –
как есть, тридцать пятый сорт.

И мне без тебя – не очень.
Но это мои проблемы.
Ты счастье. Пусть будет счастье.
Не плача – плачу собой.

В течение этой ночи...
С износом последней клеммы.
А утром бывалый мастер
заменит стрелу стрелой.

Г.А.И.

Приятель-циник постебался надо мной,
мол, Г.А.-Г.А.-чу я, ровно гусь перед гусыней,
и в то же время дискутирую с весной:
когда ж Господь пройдёт – по гаджетам – босыми?

Мол, распаляюсь я на гаджеты всегда,
обогащённый всевозможными словами,
но, если я равнодушен так – тогда,
быть может, ГАджет я нашёл в заГАдке-даме?

А ты не гаджет, Анька. Ты моя Г. А. И.
на пешеходной неразмеченной дороге,
где мне перечат авто-мото-холуи,
с железом смешанные ушлые бульдоги.

Вот я иду: наушник в ухе, все дела.
Один, в четырнадцатом найденный, наушник.
И если рок не пойман – слева «лай-лай-ла»,
а справа дышит в кудреватых ёлках Пушкин.

А проводок ведёт в поюзанный смартфон –
я не советую смотреть на эти шрамы,
мне от супруги бывшей в дар достался он –
от интересной, хоть и с гаджетами, дамы.

А ты не гаджет, Анька. Ты моя Г. А. И.
на пешеходной неразмеченной дороге,

где темнота бывает страшной – глаз коли,
но я иду, благодаря твоей подмоге.

В берлоге съёмной – ждёт меня мой ноутбук,
таких никто уже сейчас не производит.

Читаю-с водку, и как будто режу лук.

А за стеной – без лишних опций половодье...

Приятель-циник постебался надо мной,
мол, я – как все, полуживой-полужелезный,
мол, если прошлое поюзано женой,
так не купить ли новый ГАджет интересный?

А ты не гаджет, Ань... Ты честная Г. А. И.
на пешеходной неразмеченной дороге,
где постовые контролируют твои,
как я шаГ.А.ю, от берлоги до берлоги.

Фиолетовый

Живу и надеюсь: ты Муза Огромных Поэтов –
чем больше, тем лучше Поэтов число и масштаб,
а мой репеёк для тебя потому фиолетов,
что ком разноцветных репёв улетел уже в шкаф.

Наверное, всё-таки, нет. Музин Муз не одобрит
большого колючества разных, в шкафу, сорняков,
возможно, ещё разрешается – в год штучки по три,
скорее всего – там порядка уютный альков.

Но, как бы то ни было, ты получаешь немало
рифмованных отзывов... это логический факт,
а если не так, значит, логика вирус поймала,
и тот же вконтакт – одноклассник людских катаракт.

Вот видишь, опять я ругаюсь, пишу непотребно.
Таких не берут вкосмонавты возвышенных сфер.
Такие сгорают свечами вечерних молебнов
и утром становятся лампой на минус ампер.

Живу и надеюсь: ты Муза Огромных Поэтов –
чем больше, тем лучше Поэтов число и масштаб,
а мой репеёк для тебя потому фиолетов,
что это удачный оттенок улёта за шкаф.

Сегодня и завтра

Ну вот и совместное фото...
Надела ты небо ночное,
а я на плече твоём – Овен,
что сбросил под ноги рога.

Зачем их ломать обо что-то?
Занятие, право, смешное.
Наш контрсоюз полюбовен –
смешного хватает пока.

Ты – якобы даже не в курсе,
я – словно бы отсвет, рождённый
в крамольном сотворчестве лампы
и россыпи тёмных волос.

Да, нам не откажешь во вкусе,
друг друга затем и не ждём мы:
нам сразу и всё – пополам бы!
Фотограф был прав: не вопрос.

Стоит на плече твоём Овен,
а ты – ты одетая в небо.
И это совместное фото,
нас греет одна с тобой ткань.

Наш контрсоюз полюбовен.
Железно... Ни шагу... Победа!
Сегодня и завтра – суббота,
айда тратить времени дань?

* * *

Принц принцессе дарит терем –
выше трёх вокзалов!
Снизу шепчется тетерям:
вот ведь... мясо сала.

Принц принцессе дарит просто
с шишкой полотенце.
Мнится лавочным коростам:
вот ведь... извращенцы.

Принц принцессе дарит оду
или даже – оды.
Сбоку хмычнется народу:
вот ведь... нищелроды.

Принц принцессе – друг уставший,
ничего не дарит.
Сверху кости моют сабжу:
что не приударит?

Обожай

Обожай, без лишних слов,
так велит живое сердце,
Чувство – самый мощный софт,
без потока новых версий.

Обожай, оставь слова
человечку на блокноте
в пыльном ящике стола –
пусть он Чу... шь свою молотит.

Обожай, слова – ничто,
ты для них уже большая.
Обожай. Вот я и то
трачу воздух – обожая.

Но о ком дышу – не суть,
всё равно – для эпизода.
Обожай, кого-нибудь,
с предпочтением фри-софта.

Обожай дарённый софт –
не барыжит Чувством сердце!
Завершаю эпизод,
без анонса новых версий...

Старпёрышко

Помни, девочка, не всё,
что людьми когда-то сказано –
ливни разума несёт,
в людях – тучи несуразного.

Злоба, жадность, эгоизм,
поиск самооправдания...
Простудируй, приколись,
многотомные предания.

Поразмысли, сопоставь
сонно-сказочное прошлое
и унылых фактов явь.
Яро царствуем... А можно ли?

Нет. Нельзя. Не по плечу.
Мы в убытке – с царской сметой.
Не сердись, я не учу,
и не то чтобы советую.

Я типичный человек
и... старпёрышко для памяток,
в чём-то – злее, чем абрек,
в целом – душка (по преданьям-то).

Помни, девочка, на всё,
что людьми когда-то сделано –

есть исходники Басё
и расходники Настенного.

А Настенный – счетовод,
он, умеренно позируя,
здесь и в будущем... Так вот,
п о м н и, девочка красивая...

* * *

День придёт – я тебе не отвечу.
Представляешь, такое возможно.
Почему? Да по старой причине,
выше энтера кнопка бэкспейс.

Я себе выедаю тут печень:
страх, насколько я слаб и ничтожен,
если гнал на тюльпаны в кувшине –
как машина, как поезд без рельс...

Сколько раз я тебя потревожил?
Три? Четыре? Позорная слабость.
Но твои три-четыре словечка
тоже дали в металл киселя.

Стынет каша. Кажется, ожил,
устраняю в депо неисправность.
Ты молчишь, ты целуешь колечко.
Я читаю тебя, про себя.

Жизнь пройдёт – и меня ты не вспомнишь.
Представляю. Такое возможно.
Потому что уже больше года
я не лезу к тебе на глаза.

Представляю: ты книжный листок мнёшь,
прочитай... Представление ложно.
Ты утюжишь перкальное что-то.
Я бросаю... уже набросал.

Маленький Медведь

Празднуй, празднуй, Анегурка!
Я в кармашке посижу.
У меня тут дом, конурка,
тихо... только квазишум...

Я же твой карманный пёсик,
эсклюзивный, твой-твой-твой,
не скучающий без мосек,
согреваемый тобой.

Больше тканями, конечно,
но ведь всё по жизни – ткань,
всё что свято, всё что грешно,
мы – материальны, Ань.

«Мы»... опять... прости, хозяйка,
я плохой субординант,
у тебя же рядом Зайка
в поцелуях-орденах.

Годный, хлопковый зайчище!
Лишь бы сильно не кирял,
ты достойна дел почище,
чем отстирка колдыря.

Да, а то они такие,
знатоки густых кустов:

то в частичной аваркии,
то с ушами в полный штоф.

Празднуй... празднуйте... встречайте –
может правда – Новый – год.
Ну а я – в тактильном чате,
рядом с кнопкой «Разворот».

Познакомьте с гостьей гостя,
вдруг амур не закирял.
Обо мне не беспокойся,
крепок мой материал.

Полуночные мгновенья
не длинней, чем будут впредь,
но забудь меня на время.
Пёсик – Маленький Медведь.

Разбуди когда захочешь,
завтра, или к февралю.
А пока – приятной ночи!
Засыпаю... Сладко... Лю...

01.01.2017

Оглавление

«Ты в красном...»	3
«Твоё молчание дороже пустословья...»	4
Мой образ жизни.....	5
«Так здорово... Вы празднуете что-то...»	7
ParKET	8
Дарю	9
«Девушки в сетчатых платьях!»	11
«Вы холодны, Зима, но так ли это важно?...»	12
3 4 5.....	13
«Тебе идёт – играть, носиться с детворой...»	16
«Смотрю минуту на тебя...»	17
Люденцы.....	18
«Я мутный тип (один из мутных типов)...».....	19
Клик	20
Настоянный апрель	21
Драгметалл	22
«Был бы я рослым дубом...»	23
«Год за годом... день за днём...»	25
«Горы не по мне, перейти бы сопки...»	27
«Ты не куплена словом «шопинг»	28
«Злой гений... Добрый гений... Дохлый гений...»	29
Настроен	30
Свобода.....	31
Л. и Р. А.	32
«Похоже, ты любишь осень...»	33
Остров.....	35
Застенные люпины.....	36
«А женщин подогнали под стандарт...»	37
«Вы смотрите, на мой сторонний взгляд...»	39
«Никому не будет стыдно...»	40
Ретроград.....	42
Эндельфины	43

Теплени.....	44
«Здесь дышат лаком для когтей...»	45
Партизан	46
«Июльский пух. Лежит собака у стены...»	47
Свобода беглого раба.....	48
Состояние	49
УраГ Анна	51
Время – есть!	52
«Над прикидом пять минут колдовал...»	54
«Что курит автор?...»	55
Светись не светись	56
«Могла бы фотка эта статья...»	57
Дарёное.....	58
Слово-птенчик.....	60
Тьмир.....	62
«Спасибо! За то, что ты есть...»	64
Анюта-Гамма.....	65
Река признаний.....	67
Столактика.....	68
«... А мне без тебя – не очень...»	69
Г.А.И.....	70
Фиолетовый.....	72
Сегодня и завтра.....	73
«Принц принцессе дарит терем...»	75
Обожай	76
Старпёрышко.....	77
«День придёт – я тебе не отвечу...»	79
Маленький Медведь.....	81

Владимир Ильичев (Сквер)

Голы онлайн

«Прощай. Но если бы я мог с тобой проститься...»

Жирафёнок Анюта мало знаком с тёзкой из легендарной бардовской песни... однако саванна свежа и просторна! Благо есть вольный ветер, на любой разгон умелец, который даже без форменных отличий не прочь креативно пасануть или забить, потом приправить сносным перцем блюда на кухне мироздания, а после ужина мирно задремать задутой самодельной свечкой. Но непременно проснуться Маленьким Медведем в кармашке Анегурки!
«Что курит автор?» – читайте целый сборник рецептов!

ISBN 978-5-4483-6874-5

9 785448 368745 >

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!